

УДК 82-65

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-76-85

«БОГАТЫРЬ В КАБИНЕТЕ...»: ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ В ОЧЕРКЕ С. В. МАКСИМОВА «АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ОСТРОВСКИЙ» (1897)

Киселева И. А., Поташова К. А.*Государственный университет просвещения*

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Раскрыть особенности личности А. Н. Островского на основе воспоминаний его современника – этнографа С. В. Максимова.

Процедуры и методы. В качестве предмета исследования рассматривается портрет А. Н. Островского, выявляются как сами принципы портретирования, так и акценты, расставляемые лично знавшим Островского писателем-этнографом, близким к нему по своим ценностным ориентирам и нравственным симпатиям. Методология работы связана с использованием биографического, культурно-исторического, психологического методов, позволяющих представить склад личности Островского и его ценностные ориентиры.

Результаты. Определено, что созданный С. В. Максимовым портрет Островского опирается на русскую литературно-критическую традицию и воссоздаёт облик писателя в единстве внешних проявлений его характера и его идеалов. Выявлено, что процесс портретирования писателя в очерке С. В. Максимова связан с использованием приёмов контраста, метафорического сопоставления, аллюзий к Священному Писанию. Портрет А. Н. Островского создаётся при помощи описания его лица, манеры одеваться, внимания к деталям пейзажа и интерьера, что определяется не только общими установками при создании портрета и фактом личного общения писателей, но и отражает специфические навыки С. В. Максимова как писателя-этнографа.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении принципов портретирования писателя в этнографическом направлении русской словесности. Результаты исследования могут быть использованы при ценностном изучении личности писателя в школьном и вузовском курсах литературы.

Ключевые слова: А. Н. Островский, литературный портрет, личность писателя, народный дух, очерк, русскость, С. В. Максимов

“THE HERO IN THE STUDY ...”: THE PERSONALITY OF THE WRITER IN S. V. MAKSIMOV’S ESSAY “ALEXANDER NIKOLAEVICH OSTROVSKY” (1897)

I. Kiseleva, K. Potashova*State University of Education*

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. We reveal the personality features of A. N. Ostrovsky based on the memoirs of S. V. Maksimov, his contemporary and the ethnographer.

Methodology. The portrait of A. N. Ostrovsky is considered as the subject of the study; both the principles of portraiture themselves and the accents placed by the writer-ethnographer who personally knew Ostrovsky and was close to him in his value orientations and moral sympathies, are revealed. The methodology of the work relies on the use of biographical, cultural-historical, and psychological methods that allow us to present the personality of Ostrovsky and his value orientations.

Results. It is determined that the portrait of Ostrovsky created by S. V. Maksimov is based on the Russian literary and critical tradition, and recreates the appearance of the writer in the unity of the external manifestations of his character and his ideals. It is revealed that the process of portraying the writer in S. V. Maksimov's essay is associated with the use of contrast techniques, metaphorical comparison, and allusions to the Holy Scriptures. The portrait of A. N. Ostrovsky is created by describing his face and the way he dresses, as well as by attention to the details of the landscape and interior, which is determined not only by the general attitudes when creating a portrait and the fact of personal communication of writers, but also reflects the specific skills of S. V. Maksimov as an ethnographer writer.

Research implications. The theoretical significance of the study is to identify the principles of portraying the writer in the ethnographic direction of the Russian literature. The results of the research can be used in the value study of the writer's personality in school and university literature courses.

Keywords: A. N. Ostrovsky, literary portrait, essay, folk spirit, Russianness, S. V. Maksimov, personality of the writer

Введение

Одним из магистральных направлений современного отечественного литературоведения является изучение личности писателя, примеры тому – фундаментальные исследования В. Н. Аношкиной, И. А. Виноградова, В. А. Воропаева, В. Н. Захарова, И. А. Киселевой, Ю. В. Лебедева, Н. Н. Скатова, М. И. Щербаковой и некоторых других литературоведов. Методологической базой обозначенных исследований, несомненно, явился ряд литературно-критических работ XIX в., в которых акцентированы мировоззренческие координаты писателей, в качестве организующего стержня литературного произведения рассматривается «ценностная позиция автора» [11, с. 6]. Особенno значимыми в этом ряду являются литературно-критические размышления, созданные в жанре литературного портрета. Ставя в центр повествования саму личность писателя, литературно-критические этюды позволяют читателю в полной мере проникнуться духом времени, выявить особенности взгляда творческой личности на мир, оттого заслуживают к себе пристального внимания. Очерк С. В. Максимова «Александр Николаевич Островский» занимает достойное место в этом ряду. Характеризуя отношение Максимова к Островскому, М. П. Лобанов отмечал, что для того «каждая увиденная подробность в жизни любимого художника, каждое сказанное им слово составляли ценность,

бесконечно родную», и «всё это он впоследствии с таким умилением и любовью передаст в своих, исполненных чудного словесного «плетения» воспоминаниях об Островском» [4, с. 326–327].

Очерк Максимова об Островском в контексте развития жанра литературного портрета

Портрет как жанр критической литературы, синтезирующий в себе публицистическую основу и художественные элементы, стиль мемуарных и эпистолярных материалов, своими литературными корнями уходит к наследию Н. М. Карамзина, в «Письмах русского путешественника» которого намечено внимание к жизни и творчеству знаменитой личности, отражено непосредственное творческое общение писателя с современными ему философами и литераторами. Интенсивное развитие литературный портрет получил в первой трети XIX в. в связи со сложившимся в художественной системе романтизма новым взглядом на человека как творческую личность, обозначившимся интересом к духовному миру человека, его жизни во всех её противоречиях. Непосредственно в центр научного осмыслиения творческая личность была поставлена в работе французского критика, основоположника биографического метода в литературоведении Ш.-О. Сент-Бёва «Литературно-критические портреты» (1830-е гг.), этюды

которого посвящены проблеме взаимоотношений художника и общества.

В отечественной мысли утверждение критико-биографической статьи в качестве самостоятельного жанра, представляющего писателя в контексте влияющей на его личность и творческий путь эпохи, принято связывать с работами Н. А. Полевого, а именно с его статьями о творческих исследованиях Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина. В своих «Очерках русской литературы» (1839) Н. А. Полевой «оживил литературу»¹ тем, что поставил в центр литературно-критического исследования личность писателя и увидел важность сохранения имён, «достойных памяти и уважения»². Очерки Н. А. Полевого в полной мере отражают жанровые особенности литературного портрета, сутью которого является целостное освещение жизненного пути и его влияния на творческое становление писателя.

В связи с развитием жанра литературного портрета в отечественной критике прочно закрепились имена Н. А. Полевого, В. Г. Белинского, позднее И. Ф. Анненского, Б. К. Зайцева, Д. П. Святополка-Мирского и других писателей и критиков XIX–XX вв., в то же время некоторые исследования, несмотря на ценность представленного в них материала, остались в стороне и по-прежнему нуждаются в осмыслиении. В творческом наследии писателя-славянофила Максимова литературный портрет занимает особое место, его работы, посвящённые писателям середины XIX в., свидетельствуют об умении «видеть и ценить лучшие духовные качества» в человеке, раскрывать «подвижническую деятельность во имя народа и сохранения его национальной культуры» [8, с. 185]. Методологическая ценность литературно-критического этюда «Александр Николаевич Островский», по точному

определению Ю. В. Лебедева, состоит в «определении качеств человеческой личности полнотою связей её с окружающим миром»³. В своём очерке Максимов живо отражает состоявшееся в 1850 г. знакомство с Островским, продлившееся общение, в красках рассказывает о «москвитянинском» периоде в его творчестве, даёт оценки некоторым пьесам и вместе с тем создаёт живую личность драматурга, передаёт с точностью художника-этнографа атмосферу, его окружающую. Очерк был подготовлен в самом конце XIX в., точная датировка не известна, но его публикация частями в журнале «Русская мысль» за 1897 г. (№ 1, 3, 5) и 1898 г. (№ 1, 4), отсылка к рукописным материалам XI тома сочинения Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», опубликованным в 1897 г., а также указание на кончину входившего в ближний круг друзей А. Н. Островского художника П. М. Боклевского «в начале текущего года» (т. е. в 1897 г.) позволяют датировать работу Максимова над очерком концом 1896 – началом 1897 гг. В процессе подготовки к переизданию собрания сочинений Островского в начале XX в. очерк был частично переработан и дополнен. Он приводился в значительно сокращённом варианте в издании «А. Н. Островский в воспоминаниях современников» (1966)⁴. В 1988 г. был напечатан полностью в сборнике работ С. В. Максимова «Литературные путешествия»⁵ с комментарием Ю. В. Лебедева, подчеркнувшего «的独特性» этого литературно-критического этюда и авторское «своеобразие к освещению личности центрального героя»⁶.

¹ Белинский В. Г. Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4. Статьи и рецензии (1840–1841). М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954. С. 12.

² Полевой Н. А., Полевой К. А. Литературная критика: Статьи, рецензии 1825–1842. Л.: Художественная литература, 1990. С. 82.

³ Лебедев Ю. В. Писатель-первопроходец // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 22.

⁴ А. Н. Островский в воспоминаниях современников / под общ. ред. В. В. Григоренко, С. А. Макашина, С. И. Машинского, Б. С. Рюрикова. М.: Художественная литература, 1966. 668 с.

⁵ Максимов С. В. Александр Николаевич Островский // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 133–243.

⁶ Лебедев Ю. В. Писатель-первопроходец // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 23.

Если воспоминания А. А. Григорьева, Ф. В. Бурдина, М. Н. Островского, П. И. Чайковского о личности драматурга уже становились предметом специального научного изучения [1], то литературно-критический очерк Максимова в аспекте воссоздания творческой личности ещё требует к себе внимания, хотя стоит отметить, что подступы к его изучению уже были намечены [6; 7; 9; 10; 12].

«Приветливый очажок у Серебряных башн...»: портретный фон Островского

Будучи мастером этнографического очерка, Максимов свой литературно-критический этюд об Островском во многом строит как бытописатель, находя в творчестве драматурга созвучное своей художественной системе «доверие к повседневному ходу жизни» [3, с. 5]. Не случайно, что и в очерке личность Островского во многом раскрывается именно через повседневность. Очерк открывается красочной зарисовкой пейзажа и бытовой атмосферы Замоскворечья, выступающей фоном, на котором далее будет представлен портрет драматурга. Замоскворечье служит в очерке своего рода рамой портрета и задаёт тон всему повествованию, с него начинается знакомство читателя с Островским, им же и заканчивается с той только разницей, что вначале мы видим окрестности, в которых жил драматург, а в конце – его домашнюю атмосферу. Помимо собственно повествовательной задачи «обрамить» портрет, Максимов в обращении к Замоскворечью выступает явным продолжателем традиции самого Островского в изображении простоты быта и купеческой жизни этой части Москвы, вступает в условный литературный диалог с его «Записками замоскворецкого жителя» (1847), в которых сам драматург создаёт портреты замоскворецких обитателей также на детально выписанном замоскворецком фоне. Объединённые общим интересом к художественной детали размышления Островского и Максимова о Замоскворечье имеют и существен-

ное отличие. Ведущей в «Записках...» Островского является ироническая интонация, тонкий, гоголевского характера юмор в передаче замоскворецкой бытности, с которой герои находятся в гармонии. В предисловии к своим «Запискам...» Островский ставит своей задачей воссоздание всех особенностей этой бытности: «Наш неизвестный автор с такой же наивной правдивостью рассказывает о Замоскворечье, как Геродот о Египте или Вавилоне. Тут всё – и сплетни замоскворецкие, и анекдоты, и жизнеописания»¹. Иной оттенок явственно прослеживается в очерке у Максимова. Его Замоскворечье, выведенное в прозаичной обычности, выступает резко диссонирующим по отношению к личности портретируемого Островского, что объясняется выведенной на первый план самой возвышенной и благородной фигурой драматурга, творческое дарование которого осветило и прославило эти места.

Фоном для литературного портрета у Максимова служит та улица, на которой «во славу отечественного искусства жил и работал Александр Николаевич Островский»², а также виды из окон его дома, притом во всех этих описаниях подчёркивается простота, будничная повседневность и даже приземлённость, окружающая драматурга: «Делая длинное и кривое колено, Серебрянический переулок приводит на поперечную улицу. Прямо против устья переулка стоял неказистый деревянный дом обычного московского пошиба. Обшил он был тёсом и покрашен тёмною коричневою краской; размерами небольшой, в пять окон. С улицы он казался одноэтажным, так как второй этаж глядел окнами на свой и соседний двор»³. В описаниях замоскворецкого мира сочетаются традиционность уклада русской

¹ Островский А. Н. Записки замоскворецкого жителя // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 1: Художественная проза: Пьесы. 1843–1854. М.: Искусство, 1978. С. 34.

² Максимов С. В. Александр Николаевич Островский // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 133.

³ Там же.

жизни (переулок огибает церковь Иоанна Предтечи, основательный дом, не просто стоящий около храма, но «примыкающий на верхушке к церкви»¹) и некоторая бытовая нелепица, акцентируемая автором в метких и колоритных пространственных характеристиках-сравнениях («ударишься в узкий переулок», переулок как «длинное и кривое колено», открывающиеся виды «дешёвой бани», имеющийся «тут же и перед окнами кабак», «на углу безобразное здание»²), а также определениях, относящихся к дому и его окружению («неказистый деревянный дом», «неказистый дом нашего драматурга», «дом обычного московского пошиба», «на этом некрасивом Доме»³). Максимов указывает на ветхость всех этих построек, при этом делает оговорку, приводя непрямое, вероятно возникшее в памяти и оттого ещё более подчёркивающее точность ассоциации Евангельское изречение: «И ста запустение на месте святе» («Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, – читающий да разумеет» (Мф. 24: 15)). В данном контексте словами Евангелия Максимов подчёркивает природную гениальность личности Островского, выделяет эту личность на контрастном фоне объективной простоты и неказистости. Дом, в котором живёт человек, творчески одарённый и оттого уникальный, пересоздаётся Деятельностью человека: «некрасивый» дом благородно «покрашен тёмною коричневою краской», а «безобразное здание» – «голубою краской»⁴. Примечательно и начертание слова «Дом» с прописной буквы, тем самым Максимов подчёркивает его значение для живущих там и приходящих к хозяину, у которого для гостей всегда «теплился и светлел приветливый очажок»⁵. Максимов следует принципу контраста при создании портрета Островского на

протяжении всего очерка, подчёркивая тем самым уникальность и силу личности Островского, способную преодолеть «груды наваленных препон»⁶ и вдохновить людей на преодоление своих пороков.

«Он в коротенькой поддёвочке нараспашку...»: портрет Островского

Охарактеризовав социально-бытовой фон Замоскворечья, Максимов переходит непосредственно к изображению быта Островского и описанию его внешности, обращая внимание читателя как на внешний его облик, так и на образ его жизни. Оригинальна выбранная Максимовым повествовательная манера – автор, уточняя название очерка припиской «по моим воспоминаниям», не вспоминает своей первой встречи с Островским, но строит повествование как ситуацию первого знакомства читателя с драматургом: «Гостеприимный хозяин жил здесь в простоте уединённого и неказистого быта, подчиняясь всеобщим московским обычаям, намеренно не желая от них отставать, как заповедных и священных для него, в особенности как для коренного истинно русского человека в самом высшем значении этого великого слова»⁷. Примечательна характеристика, данная Максимовым по отношению к быту драматурга – использованное прилагательное *неказовый* по своему основному значению, на первый взгляд, повторяет сказанные выше слова о неказистости замоскворецкой жизни, но в то же время, будучи устаревшей лексемой, органично входит в контекст литературного портрета, обращает внимание на непоказанную натуру Островского и тем самым подчёркивает истинную его русскость. Бытовая простота, подчас даже неустроенность быта, часто присущая гениальной личности, сквозной характеристикой проходит через весь очерк Максимова: «Не помнится, чтоб у Александра Николаевича был даже письменный стол с общепринятыми приспособлениями и приличный такому работнику,

¹ Максимов С. В. Александр Николаевич Островский // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 133.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 240.

⁶ Там же. С. 138.

⁷ Там же. С. 137.

но уютного и уединённого кабинета, обставленного удобствами, облегчающими занятия, положительно не было»¹; «Борьба с нуждой велась незримо для посторонних глаз, но ясна была для окружающих, а от близких и доверенных в крайних случаях и не скрывалась»²; «В немногих и тесных комнатах Островского не нашлось бы места ... широким оттоманкам»³.

Задав характеристику дома Островского, автор переходит непосредственного к его внешнему портрету: «Он в коротенькой поддёвочке нараспашку, с открытою грудью, в туфлях, покуривая Жуковский табак из черешневого чубука, с ласковой и неизменно-приветливой улыбкой встречал всякого, кто получил к нему право входа»⁴. В созданном портрете перед читателем предстаёт Островский человеком, привлекающим своей простотой и открытостью, подчёркнутой в каждой детали одежды («в ... поддёвочке нараспашку», «с открытою грудью»). Его домашность точно схвачена и мастерски передана в этом костюме, естественность которого «даёт простоту и живость» [2, с. 138] образу писателя. В описании лица Островского, его психологическом портрете, данном яркими штрихами, явен контраст: «На первый взгляд Александр Николаевич показался нам, судя по внешнему виду, замкнутым, как будто даже суровым, но, взглянувшись, мы заметили, что каждая черта лица резко обозначена, хотя вместе с тем и дышала жизнью. Верхняя часть лица в особенности показалась нам привлекательной и изящной»⁵. Акцентированная в портрете привлекательность «верхней части лица», проявляется и в дальнейшем тексте: его «глаза сделались ласковыми»⁶.

Последующие портретные зарисовки не вносят принципиально новых черт в заданный в начале портрет Островского,

но только подтверждают сказанное «тождеством чувств»⁷: «при видимой солидности в движениях скрывалась тонкая чувствительность и хранились источники беспредельной нежности»⁸; «белокурый, стройный и даже, как и мы все, малые и приниженные, застенчивый, он и общим обворожительным видом, и всею фигурой совершенно победил нас, расположив в свою пользу до последней степени»⁹; «не имел светского лоску и не в силах был заставить себя отбросить всякое стеснение»¹⁰. Все эти зарисовки внешности вызывают у Максимова устойчивую ассоциацию образа Островского со светом, выступающим одним из наиболее частотных метафор, используемых по отношению к «нравственной сфере»¹¹ драматурга и его творчеству: «срединное светило, окружённое постоянными спутниками»¹², «заблистал яркий ослепительный свет»¹³, «новое светило в отечественной литературе»¹⁴, «началось чтение ... чистым и светлым баритоном»¹⁵. Не случайно само утверждение Островского на поприще писателя-драматурга Максимов сравнивает с взошедшим солнцем: «загорелось на небе яркое красное солнце»¹⁶.

Из «старорусских богатырей»: о духовной силе А. Н. Островского

В своём литературно-критическом этюде Максимов характеризует и ту духовную атмосферу, которая окружает Островского, отмечая, что «особенная умилительная сердечная простота во взаимных отношениях господствовала в полной силе здесь, в безыскусственной обстановке жизни нашего великого писателя»¹⁷. Создавая портрет драматурга, Максимов

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 239.

¹¹ Там же. С. 169.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 227.

¹⁶ Там же. С. 138.

¹⁷ Там же. С. 239.

¹ Максимов С. В. Александр Николаевич Островский // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 241.

² Там же. С. 240.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 138.

⁵ Там же. С. 151.

⁶ Там же.

подчёркивает внутреннюю силу и цельность Островского: «он был поистине нравственно сильный человек, и эта сила соединялась в нём со скромностью, нежностью, привлекательностью»¹. Мотив нравственной моши Островского проходит красной чертой через весь очерк. Максимов подчёркивает, что «кроткая его натура обладала способностью огромного влияния на окружающих», пишет, что все, кто «сближался с ним»², чувствовали эту силу. Люди «цепляясь один за другого, тянулись» к нему «неудержимо»³. Создавая контрастный, многоцветный и вместе с тем монолитный образ драматурга, Максимов вскрывает причины той притягательности, которую чувствовали в писателе окружающие люди при живом общении. Максимов представляет Островского той личностью, рядом с которой другая открывается в своей лучшей человечности: «Дружба его умножала нравственные средства, подкрепляла нас в наших намерениях, возвышала и облагораживала наши цели и давала возможность действовать с большою способностью в собственных делах и с большою пользой для других»⁴. Максимов отмечает высокие нравственные достоинства Островского, характеризует человеколюбие писателя, его уважение и любовь к тем, кто оказывался рядом с ним: «Никогда и никому ни разу в жизни Александр Николаевич не дал почувствовать своего превосходства»⁵. Эта высокая человечность определялась христианскими идеалами Островского, которые были для него не просто идеалами, но самой жизнью, воплотившейся в его русскости, в русскости как православном образе жизни и мышления. Эту русскость писатель не только имел по рождению, но и, руководствуясь евангельскими словами о том, что «всякому имеющему даётся и приумножится» (Мф. 25: 29), постоянно восполнял и рас-

ширял «прежний и ранний запас добрых чувств, укреплялся в тех симпатиях к коренному русскому человеку, которые затем с неподражаемым мастерством высказал в положительных типах своих бессмертных комедий»⁶. Максимов подспудно сравнивает человеческий гений Островского с апостольским даром. По Максимову, хотя он прямо и не говорит об этом, через личность писателя в мир шло божественное утешение, рядом с Островским «все твёрдо знали, что здесь почувствуют они себя самих в наивысшем нравственном довольстве, утешенными и успокоенными»⁷. Эта мысль в разных вариациях повторяется у Максимова и содержит явные аллюзии к Новому Завету, в том числе к высказыванию апостола Павла: «Да утешит ваши сердца и да утвердит вас во всяком слове и деле благом» (2 Фесс. 2: 17).

Аллюзии к апостольским словам сочетаются у Максимова при характеристике писателя сравнением жизненного пути писателя «с путём старорусских богатырей»⁸. Максимов не идеализирует окружающую Островского действительность и не идеализирует самого Островского, признавая за ним даже такое проявление, как «хвастливость», в которой упрекали писателя, но которая, однако, «носила самый невинный характер, доходивший нередко до забавных крайностей в тех случаях, когда ввиду чужих действительных заслуг на него быстро нападал каприз равняться и даже по-первенствовать на словах, как бы из боязни остаться на задах в обидном положении неумелого или неспособного»⁹. Писатель предстаёт живым человеком, который удил рыбу, «занимался вырезными работами из дерева»¹⁰, потчевал своих гостей со своего огорода, где «сеялась всякая редкая и нежная овощь»¹¹, раскладывал пасьянс и был принуждён из-за нужды сдавать свой дом и ютиться на верхнем этаже; этот

¹ Максимов С. В. Александр Николаевич Островский // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 151.

² Там же.

³ Там же. С. 152.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ Там же. С. 167.

⁶ Там же. С. 152.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 138.

⁹ Там же. С. 226.

¹⁰ Там же. С. 203.

¹¹ Там же. С. 204.

«богатырь в кабинете с пером в руках, – в столовую к добрым гостям выходил настоящим ребёнком»¹.

Островский был человеком и в своей земной человечности, и в своей устремлённости к богочеловечеству, понимание которого было связано у него с верой во всеблагость и попечение Бога о человеке. Островский видел и все проблемы русской действительности и то, как образно представляет Максимов, что «подъёмы на горы либо запущены и, будучи заброшенными, стали заастать, либо намеренно были попорчены так, что не только ослабевала надежда на какую-либо победу, но недоставало и многих орудий, необходимых и пригодных для борьбы»², но шёл он «уверенно вперёд» и вёл «борьбу неустанно, испытывая временами тяжёлые поражения, но временами же освежаясь и укрепляясь сладкими плодами счастливых побед»³. Сравнивая Островского в его исповедании «твёрдой и непоколебимой веры в силу и мощь народного духа»⁴ со старорусскими богатырями, Максимов пишет: «несмотря на то, что дорога тянулась по рыхвинам, через груды наваленных препон, и мосты через реки были поломаны или совсем разрушены», писатель шёл «дорогою прямоеезже» и продолжал «твёрдо веровать, что всё то не Божьим изволением, а по злому вражьему попущению»⁵. Богатырскую личность Островского понял и достойно оценил «богатырь на троне» император Александр III, поручивший в ведение драматурга русский театр с напутствием: «Делайте всё, что найдёте полезным для процветания их»⁶.

Характеризуя положение Островского в сложившемся руссколюбивом направлении, Максимов определяет роль Островского так: «избранник стал во гла-

ве первенствующим»⁷. И условиями этого избранничества стали человеческие качества Островского, его воля и его идеалы. В образе Островского, как в капле воды, отражающей мир вокруг, Максимов видел воплощение полноты русскости: «Видим проницательный крепкий ум русского склада, т. е. в соединении с крайней сердечностью, чувствуем высокую душу, всё проникшее любовью нежное сердце, хотя и с оттенком наружной суровости и сосредоточенности в себе»⁸.

Заключение

В речи «По случаю открытия памятника Пушкину» (1880), произнесённой на торжественном обеде Московского Общества любителей российской словесности, Островский в качестве особой заслуги Пушкина отметил то, что поэт «дал смелость русскому писателю быть русским»⁹. И именно эта русскость определила гений самого Островского, что очень точно отразил в своём литературно-критическом очерке Максимов. В ряду иных биографических исследований работу Максимова качественно отличает глубина проникновения в творческую личность Островского, что обусловлено как непосредственным общением двух писателей, сопричастностью к живой устремлённости драматурга, так и их единой системой ценностных координат, общей «для коренного истинно русского человека»¹⁰, оттого именно русскость выступает и у Островского, и у Максимова высшим мерилом творческого гения. Очерк Максимова дополняет не просто тот образ Островского, который был представлен в статьях таких маститых критиков, как А. А. Григорьев, А. В. Дружинин,

¹ Максимов С. В. Александр Николаевич Островский // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 204.

² Там же. С. 138.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 204.

⁷ Там же. С. 138.

⁸ Там же. С. 243.

⁹ Островский А. Н. Застольное слово о Пушкине // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 10: Статьи. Записки. Речи. Дневники. Словарь. М.: Искусство, 1978. С. 110.

¹⁰ Максимов С. В. Александр Николаевич Островский // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 137.

Н. Н. Страхов, С. П. Шевырёв, которые оценили его творчество «как явление русской национальной драматургии, как явление красоты, силы и величия русского слова» [5, с. 5], но и принесённое им читателю чувство личного знакомства с писателем и ощущение его человеческого обаяния, и духовной мудрости его личности. В своём очерке Максимову удалось многогранно представить Островского, вобравшего в себя окружающую его жизнь в её полно-

те и сложности и так расставившего ценностные приоритеты, что «исчез ночной сумрак и загорелось на небе яркое красное солнце»¹. И это солнце есть суть того направления в русской культуре, которое вдохновило Островского на создание истинно русского театра с его высочайшей степенью «нравственного влияния»².

Статья поступила в редакцию 20.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Едошина И. А., Шилкина И. С. Портрет на фоне эпохи: А. Н. Островский // Вестник культурологии. 2020. № 4. С. 130–149.
2. Киселева И. А., Поташова К. А. Шляпа как деталь костюма и средство характеристики персонажа в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник трудов конференции, Москва, 27 февраля 2017 г. / отв. ред. О. В. Шаталова. М.: Московский государственный областной университет, 2017. С. 137–146.
3. Лебедев Ю. В. Об изучении русской классической литературы // Литература в школе. 2019. № 11. С. 2–5.
4. Лобанов М. П. Островский. М.: Молодая гвардия, 1989. 399 с.
5. Мосалева Г. В. «Непрочитанный» А. Н. Островский: поэт иконной России. Ижевск: Удмуртский институт, 2014. 295 с.
6. Павлов А. В. А. Н. Островский и С. В. Максимов (к проблеме личных и творческих взаимоотношений) // Щелыковские чтения – 2002. Проблемы эстетики и поэтики творчества А. Н. Островского: сборник статей / науч. ред., сост. И. А. Едошина. Кострома: Костромской государственный университет, 2003. С. 153–159.
7. Скатов Н. Н. Создатель народного театра: Александр Николаевич Островский // Скатов Н. Н. Сочинения: в 4 т. Т. 4. СПб.: Наука, 2001. С. 67–95.
8. Фокеев А. Л. С. В. Максимов о И. Ф. Горбунове (книга «Литературные путешествия») // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сборник научных трудов. Вып. 8. Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 184–188.
9. Фокеев А. Л. Народная культура в этнографической прозе С. В. Максимова. М.: Ленанд, 2015. 104 с.
10. Фокина М. А. Языковые средства создания литературного портрета А. Н. Островского в мемуарной прозе С. В. Максимова // Громовские чтения: сборник материалов и исследований международной научной конференции, Кострома, 07–09 ноября 2016 г. Кострома: Костромской государственный университет, 2016. С. 318–323.
11. Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе / отв. ред. И. А. Киселева. М.: Московский государственный областной университет, 2019. 312 с.
12. Щербакова М. И. С. В. Максимов: очерк творчества. М.: Прометей, 1996. 200 с.

REFERENCES

1. Edoshina I. A., Shilkina I. S. [Portrait against the Backdrop of the Era: A. N. Ostrovsky]. In: *Vestnik kul'turologii* [Bulletin of Culturology], 2020, no. 4, pp. 130–149.
2. Kiseleva I. A., Potashova K. A. [A Hat as a Detail of a Costume and a Means of Characterizing a Character in N. M. Karamzin's "Letters of a Russian Traveler"]. In: Shatalova O. V., ed. *Russkii yazyk v slavyanskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii: sbornik trudov konferentsii*, Moscow, 27 fevralya 2017 g. [Russian Language in Slavic Intercultural Communication: A Collection of Proceedings of the Conference, Moscow, February 27, 2017]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2017, pp. 137–146.
3. Lebedev Yu. V. [On the Study of Russian Classical Literature]. In: *Literatura v shkole* [Literature at School], 2019, no. 11, pp. 2–5.

¹ Максимов С. В. Александр Николаевич Островский // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 138.

² Там же. С. 218.

4. Lobanov M. P. *Ostrovskii* [Ostrovsky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1989. 399 p.
5. Mosaleva G. V. "Neprochitannyi" A. N. *Ostrovskii: poet ikonnoi Rossii* ["Unread" A. N. Ostrovsky: Poet of Iconic Russia]. Izhevsk, Udmurtia Institute Publ., 2014. 295 p.
6. Pavlov A. V. [Ostrovsky and S. V. Maksimov (On the Problems of Composite and Creative Structures)]. In: Edoshina I. A., ed. *Shchelykovskie chteniya – 2002. Problemy estetiki i poetiki tvorchestva A. N. Ostrovskogo* [Shchelykovskii Readings – 2002. Problems of Aesthetics and Poetics of A. N. Ostrovsky's Creativity]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2003, pp. 153–159.
7. Skatov N. N. [The Creator of the Folk Theater: Alexander Nikolaevich Ostrovsky]. In: Skatov N. N. *Sochneniya. T. 4* [Essays. Vol. 4]. St. Peterburg, Nauka Publ., 2001, pp. 67–95.
8. Fokeev A. L. [S. V. Maksimov about I. F. Gorbunov (The Book "Literary Journeys")]. In: *Mezhdisciplinarnye svyazi pri izuchenii literatury. Vyp. 8* [Interdisciplinary Connections in the Study of Literature. Iss. 8]. Saratov, Saratovskii istochnik Publ., 2019, pp. 184–188.
9. Fokeev A. L. *Narodnaya kul'tura v etnograficheskoi proze S. V. Maksimova* [Folk Culture in the Ethnographic Prose of S. V. Maksimov]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 104 p.
10. Fokina M. A. [Language Means of Creating a Literary Portrait of A. N. Ostrovsky in the Memoirs of S. V. Maksimov]. In: *Gromovskie chteniya: sbornik materialov i issledovanii mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kostroma, 07–09 noyabrya 2016 g.* [Gromov Readings: Collection of Materials and Research International Scientific Conference, Kostroma, November 07–09, 2016]. Kostroma, Kostroma State University, 2016, pp. 318–323.
11. Kiseleva I. A., ed. *Tsennostnye osnovy natsional'noi kartiny mira v russkoi literature* [Value Bases of National Pictures of the World in the Russian Literature]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2019. 312 p.
12. Shcherbakova M. I. S. V. *Maksimov: ocherk tvorchestva* [S. V. Maksimov: Essay on Creativity]. Moscow, Prometei Publ., 1996. 200 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киселева Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской классической литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: ia.kiseleva@mgou.ru

Поташова Ксения Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской классической литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: ka.potashova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Head of the Department, Department of Russian Classical Literature, State University of Education;
e-mail: ia.kiseleva@mgou.ru

Ksenia A. Potashova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Russian Classical Literature, State University of Education;
e-mail: ka.potashova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Киселева И. А., Поташова К. А. «Богатырь в кабинете...»: личность писателя в очерке С. В. Максимова «Александр Николаевич Островский» (1897) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 76–85.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-76-85

FOR CITATION

Kiseleva I. A., Potashova K. A. "The Hero in the Study ...": The Personality of the Writer in S. V. Maksimov's Essay "Alexander Nikolaevich Ostrovsky" (1897). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 2, pp. 76–85.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-76-85